

ТОТАЛИТАРНОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ В РОССИИ: ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ТРУДНОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

© 2008 г. И. В. Абдурахманова¹

Доминантой государственно-политического и социокультурного развития современной России является формирование правового государства и гражданского общества, что предполагает наличие высокого уровня гражданского правосознания. Научной юридической общественностью активно обсуждается вопрос о взаимообусловленности тенденции демократизации и уровня правовой культуры, являющейся необходимым условием эффективного модернизационного процесса. В отличие от устаревших, идеологически детерминированных схем, современные концептуальные подходы рассматривают феномен массового правосознания как самостоятельный элемент исторического процесса.

Конституирование новой российской государственности связано с преодолением пережитков тоталитарного прошлого не только в институциональном, но и в ментальном аспектах. Как отмечает Р.С. Байниязов, современное российское правосознание, как и правовой дух, сохраняет многие психологические, юридические, идеологические «отметины» советского прошлого, что не позволяет констатировать окончательный ментальный разрыв с социалистической интерпретацией юрицизма². В этой связи проблема тоталитарного правосознания, его типологических черт приобретает не только академическое, но и прикладное значение. Изучение истоков деформированного тоталитарного правосознания позволит разработать научно обоснованную и юридически аргументированную концепцию его преодоления.

Трансформация массового правосознания в Советской России в 20–30 годы XX столетия демонстрировала историческую преемственность от революционного типа к тоталитарному, формирование которого в значительной степени было обусловлено становлением деформированной системы государственно-политического управления.

После завершения гражданской войны в сознании российского обывателя продолжали доминировать морально-этические, психологические и правовые установки предшествовавшего периода: классовая неправленность, подмена законности революционной целесообразностью, оправданность «чрезвычайщины», отождествление уголовщины с политической борьбой, трактовка свободы как вседозволенности, апологетика революционного насилия и террора. После окончания гражданской войны многие убежден-

ные революционеры почувствовали себя обманутыми, когда ожидание близкого «коммунистического рая» уступило место долговременным перспективам. Это способствовало нагнетанию настроений отчуждения и активизации эгалитарных требований. Культивировавшийся большевиками классовый подход к праву и правосудию, которое осуществлялось не на основании закона, а в соответствии с «революционным правосознанием», способствовал дальнейшему развитию деформированного правосознания.

Важным фактором формирования тоталитарного политического и правового сознания стала психологическая обстановка, сложившаяся в стране после гражданской войны. В условиях послевоенной разрухи, всеобщей нищеты, разгула преступности, товарного дефицита и надвигающегося голода стала отчетливо проявляться ностальгия обывателей по «старым» временам. Декларирование тотального разрыва с буржуазным прошлым сменилось требованием порядка и стабильности. «Ещё недавно не признававший даже минимальных, самых необходимых ограничений своей свободы «сверху», обыватель был теперь согласен принять правление самого жестокого деспотизма, лишь бы тот возродил порядок и хотя бы внешне был похож на предшествовавший революции строй», – пишет А.В. Оболенский³. Усталость и ожесточение как побочные продукты гражданской войны и экономической разрухи обостряли групповой эгоизм пролетариев и предрасполагали к идее «порядка любой ценой»⁴.

Современники констатировали, что после гражданской войны в обществе «наступило чувство безрадостного, горького похмелья»⁵. Двадцатым годам была свойственна психологическая атмосфера внутренней опустошенности, безрадостности, бесперспективности обывательского существования. Не случайно в 1925 г. Ленинград занял седьмое место среди крупнейших городов мира по количеству самоубийств. Москва заняла по тем же показателям 14 место, обогнав по количеству самоубийств Чикаго, Лондон, Амстердам.

С переходом к мирному строительству власть взяла курс на формирование «нового человека» – носителя социалистических моральных, политических и правовых представлений. Советская власть определенным образом раскрепощала человека, нивелируя в сознании обывателя значение прежних сдерживающих механизмов: монархической власти, церкви, морали, до-революционного права. Данная психологическая уста-

¹ Доцент кафедры теории и истории права и государства юридического факультета Ростовского государственного экономического университета, кандидат исторических наук.

² См.: Байниязов Р.С. Мировоззренческие основы общероссийской правовой идеологии // Журнал рос. права. 2001. № 11. С. 34.

³ Оболенский А.В. Драма российской политической истории. М., 1994. С. 245.

⁴ Соловьев Э.Ю. Правовой нигилизм и гуманистический смысл права // Квинтэссенция. Философский альманах / Сост.: В.И. Мудрагей, В.И. Усанов. М., 1990. С. 65.

⁵ Оболенский А.В. Указ. соч. С. 272.

новка порождала у многих представителей рабочего класса ощущение вседозволенности и вседоступности, которое усиливалось по мере пропаганды партийными функционерами исключительной роли рабочих в системе диктатуры пролетариата. Таким образом власть формировала социальную опору тоталитарного режима. “Кто был ничем, тот станет всем”, – обещала обывателям власть.

Идеализированное представление большевистского руководства о пролетариате и его роли в мировой истории отличалось утопизмом. Российский пролетариат постреволюционного периода представлял собой “социально беспризорный слой”, который ждал от новой власти “не правовых гарантий для эффективного и рентабельного использования своей рабочей силы, а элементарного права на труд, не дифференцированной справедливой оплаты, а минимального жизнеобеспечения”⁶. В основе правовых представлений российского пролетариата индустриальной эпохи лежали эгалитарные убеждения, в соответствии с которыми равенство трактовалось как “уравниловка”, а справедливость – как возможность расправиться с “буржуа” и присвоить принадлежавшие ему материальные ценности. Торжество маргинальных установок обусловило то обстоятельство, что в России отсутствовала “рабочая аристократия”, которая в течение столетий формировалась на Западе и являлась носителем демократических идеалов и ценностей: законности, неприкосновенности личности и частной собственности, политического плюрализма.

Общесовициализационная отсталость России выражалась в культурно-правовой отсталости. По переписи 1920 г. грамотность населения в возрасте от 8 лет составляла 41.7%, охваченность детей начальной школой – 49.3%. Для 60% населения правовая культура оставалась недоступной по причине элементарной неграмотности. Их обслуживала архаическая система бесписьменной народной культуры⁷. Для сравнения необходимо отметить, что в западноевропейских странах всеобщая грамотность населения была достигнута в конце XIX в., а в начале XX в. там начался переход к всеобщему неполному среднему образованию молодежи в объеме 7–8 лет.

Формирование специфического маргинального правосознания городского населения в 20-е годы было обусловлено особенностями социального развития России в тот период. Социальная структура населения страны характеризовалась показателями, присущими малоразвитым аграрно-индустриальным странам. Рабочие составляли 10.4% населения, крестьяне и кулаки – 76.7%, служащие – 4.4%, буржуазия и кулаки – 8.5%. Соотношение городского и сельского населения составляло 18:82. Общая грамотность рабочих средних и крупных предприятий, согласно профессиональной переписи 1918 г., составляла 63.9%, а грамотность среднего и мелкого крестьянства – 29%⁸.

Таким образом, общая культурная ситуация отражала многоукладность экономики и социальной структуры, значительный удельный вес отсталых

культурно-хозяйственных типов, при которых современные знания оставались невостребованными. “Человеческий материал” тогда еще не вступил в стадию формирования гражданского общества. Российский пролетариат, составляя лишь 10.4% от общей численности населения и имея в среднем чуть более двух лет обучения в образовательных учреждениях, не был готов к новой социально-политической роли, которую предписывали ему марксисты⁹. Докапиталистическое, патриархальное, общинное крестьянство (в среднем – 1.2 г. образования), составлявшее 76.7% населения, не могло выступать самостоятельным субъектом новых общественных и политических отношений.

Социокультурная реальность России 20-х годов обусловила невозможность фронтальной реорганизации общественно-политической жизни на принципах социализма через прямое включение пролетариата и трудящихся масс в государственное управление в качестве непосредственных субъектов. Это предопределило регенерацию бюрократизма и его тотализацию во второй половине 20-х годов и обусловило приоритет коллективных форм правосознания, основанных на игнорировании нравственного суверенитета личности и частнособственнических прав.

Основными факторами целенаправленного формирования социальной и правовой структур нового общества стали: форсированная индустриализация, коллективизация, создание генетически новой интеллигенции. Эти мероприятия проводились насильственными методами и предусматривали геноцид по отношению к “старым классам”. В результате ускоренного классового образования городское население, составлявшее в 1926 г. 18%, увеличилось к 1936 г. до 33%. Удельный вес горожан первого поколения возрос более чем до 60%. Однако треть всех горожан представляли “новые русские маргиналы”. Образование в рамках 7 лет, необходимое в условиях комплексной механизации производства, имели лишь 8.4% рабочих. Только 8.1% служащих и специалистов обладали в этот период законченным высшим образованием. Около половины (46%) этой социальной категории работников, преимущественно интеллектуального труда, не имели образования даже в объеме неполной средней школы. 90% рабочих не имели необходимого образования и обладали крайне низким уровнем правовой культуры¹⁰.

У неквалифицированных, полуграмотных рабочих складывались соответствующие социально-правовые установки. Э. Соловьев, анализируя правовой нигилизм рабочих первых пятилеток, пришел к выводу, что “изначально объективно заданная неправомерность явилась первоисточником многопланового правового нигилизма, к которому должны были склоняться новобранцы индустриализации”¹¹. Неправомерность задавалась самим государством, и народ, следуя национальной исторической традиции всевластия государства, принимал это как должное. Таким образом, правовой нигилизм на данном этапе исторического развития можно рассматривать, с одной стороны, как порождение правового инфантилизма масс, а с другой – как прямое следствие тотального нарушения властью закона. Народ, по-прежнему являвшийся носителем

⁶ Соловьев Э.Ю. Указ. соч. С. 65.

⁷ См.: Евстратов А.М. Правовая культура и правосознание в условиях становления тоталитарного общества. Кострома, 2001. С. 45.

⁸ См.: там же.

⁹ См.: там же. С. 50.

¹⁰ См.: там же.

¹¹ См.: Соловьев Э.Ю. Указ. соч. С. 182.

полумифологического сознания, не мог предъявлять никаких требований к власти, обладавшей в его представлениях сакральным характером. Поэтому формировавшееся в этот период массовое правосознание носило петиционный характер.

Волюнтаристская политика форсированной индустриализации, осуществлявшейся за счет обнищания деревни, соответствовала убеждениям деклассированного пролетариата 20-х годов, преломляясь соответствующим образом в его правосознании. Классовая непримиримость, антибуржуазность и эгалитарность пролетарского сознания, эсхатология аграрного люмпена являлись источниками антикулацких, антиэнэповских настроений.

Преэминентность массового правосознания в процессе государственно-политического развития проявилась в сохранении персонифицированных представлений о власти и государстве. Господствовавшие в первой половине 20-х годов представления о большевистской власти воспроизводили традиционные ментальные схемы. Отличие заключалось в том, что теперь власть отождествлялась не с монархом, а с революционными вождями, с которыми низшие слои населения связывали надежды на реализацию многовековой мечты о справедливости. К началу 20-х годов в массовом сознании закрепились новая харизма – представление о Ленине как о непогрешимом и мудром народном вожде. Становление ленинского культа способствовало мистификации большевистской власти в целом, что стало предпосылкой формирования тоталитарного сознания.

На XV съезде ВКП(б), состоявшемся в декабре 1927 г., руководителям партии и государства вручались подарки от рабочих сахарного завода им. Пятакова: бюст “дорогого вождя, Владимира Ильича Ленина”, из 11 пудов сахара и вылитый из сахара барельеф-портрет “железного, непоколебимого генерального секретаря т. Сталина”¹². Гипертрофированные формы персонификации власти насаждали культовое вождистское мышление, в котором не было места праву и закону.

Надежды на демократизацию, которые питала переродившая российская общечеловечность с провозглашением нэпа, не оправдались. Курс на демократизацию сменился становлением тоталитарного режима. Опорой новой власти и проводниками волюнтаристской политики стали городские и деревенские люмпены.

Дальнейшее формирование люмпенского правосознания было обусловлено победой маргиналов в высших эшелонах государственной власти и партийной бюрократии, слиянием верхушки советского и государственного аппарата, формированием партийно-государственной номенклатуры и ликвидацией политической оппозиции. Обстановка “военного коммунизма”, в которой происходило формирование новой политической элиты, обусловила специфику ее правосознания. На вершине политической власти оказалось новое поколение “не рассуждающих бойцов партии”, руководившихся вседозволяющей этикой.

О перерождении большевистской власти, ранее ассоциировавшейся в сознании многих обывателей со свободой, справедливостью, мечтой о светлом буду-

щем, свидетельствовали многочисленные сводки ОГПУ, а также письма, поступающие в органы партийной и государственной власти, адресованные наиболее популярным в народе лидерам партии и государства. В архивах сохранился целый пласт “писем-проклятий” в адрес большевистской власти и социализма. “Где же мои революционные завоевания? – спрашивал возмущенный обыватель. – Нет правды на свете, не предусматривает ее закон”¹³. В другом письме, поступившем в редакцию “Крестьянской газеты”, содержалась просьба “передать проклятие тиранам и мучителям и всей Советской власти, а также Рыкову, Калинин и всей их своре”¹⁴. Представители власти фигурируют в гневных письмах крестьян и рабочих как “человекоубийцы”, “живоглоты”, “злодеи”, “мошенники”, “растратчики народных денег”, “мусор” “кровососы”, “мучители”¹⁵.

“Кто нами правит?”, “Что это делается в России?”, “За что мучают нас?”, “Где все наши завоевания?” – сыпались вопросы в адрес власти со всех регионов страны. “За что мы кровь невинную лили, перекопы брали, гнали паразита? А теперь кого гнать?” – спрашивал обыватель. Автор одного из писем призывал “дорогих вождей всего мира” обратить “революционное внимание на стонущий народ, ибо все погибло”. “Жаль, – говорилось в письме, – воевали за свободу, бились, дрались как львы на фронтах. А за что?”¹⁶. Рассуждая о восстановлении авторитета власти, один из авторов утверждал, что “сейчас самое главное – очистить партию от мусора, от кровососов... А если нет чистки, то лучше бы царя, его строй”¹⁷. РСФСР тогда стали расшифровывать как “рабочий снял фуражку, снимает и рубашку”¹⁸.

Таким образом, возмущенные письма обывателей отражали массовую инверсию представлений о власти, которая затронула значительную часть российских обывателей. Многие обыватели из числа прежних сторонников большевистской власти теперь выражали недовольство ее политикой. По мере угасания революционного романтизма идеализированные представления о власти сменились более реалистичными. Власть постепенно утрачивала легитимность в глазах значительной части общества, что обусловило эскалацию правового нигилизма. Однако если во второй половине 20-х годов недовольство властью проявлялось спорадически и в открытой форме, то в начале 30-х годов правовой и политический нигилизм приобретает латентный характер.

Разочарование властью породило негативное отношение многих обывателей к самой идее социализма, опиравшейся на традиционные общинные, эгалитарные представления. В письме, поступившем в редакцию “Крестьянской газеты” летом 1928 г., говорилось: “Посмотрите вокруг себя, и вы увидите те же злоупотребления властью, растраты, насилия над индивиду-

¹³ Там же. С. 196.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 196–209.

¹⁶ Там же. С. 213–214.

¹⁷ Там же. С. 330–331.

¹⁸ Соколов Я.В. Формирование ментальности советских граждан // Российская повседневность 1921–1941 гг.: новые подходы. СПб., 1995. С. 69.

¹² Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1997. С. 189.

альной личностью, пьянство, самодурство, произвол, разврат, хулиганство, чванство, судебную и административную волокиту, что были и при царе. Товарищи! Неужели такой ужас можно назвать социализмом! Если социализм уживается с такими пороками, как несправедливость, насилие, взяточничество, холопское высокомерие, намеренное извращение правды в корыстных целях, протекционизм, кастовая обособленность, превышение власти, травля посредством судебной волокиты, то либо теория социализма неприменима в жизни, либо много размножилось вредителей...»¹⁹. Автор другого письма называл социализм «пугалом, причиняющим народу одно бедствие»²⁰.

После X съезда ВКП(б), провозгласившего нэп, была предпринята попытка борьбы с бюрократизмом в советских учреждениях, который в значительной степени усиливал массовый правовой нигилизм. Однако бюрократизм рассматривался как наследие старого строя, что было вызвано недооценкой его советской природы. Партийное руководство игнорировало взаимосвязь советского бюрократизма с низким уровнем правовой культуры всех управленческих звеньев.

Важным фактором формирования тоталитарного сознания стала разработанная в 30-е годы доктрина «социалистической законности», опиравшаяся на классовое правопонимание. Она исходила из нормативистского представления о праве. Прежние психологические и социологические теории права были отвергнуты. Однако нормативизм не означал верховенства закона. В этот период продолжали сохраняться принципы целесообразности, аналогии и объективного вменения. Советское право носило императивный характер, требуя толкования закона в строгом соответствии с субъективными намерениями его авторов.

Эскалации нигилистического восприятия права в 20-е годы способствовало ощущение тотальной временщины, которое сопровождало построение основ социализма. Будущее приобретало в массовом сознании статус реальности, порождая всеобщее внутрен-

нее отчуждение от права как рудимента старого строя. Тогда господствовало убеждение в том, что, чем ближе «горизонт светлого будущего», тем быстрее право превращается в «реликтовую окаменелость».

Созданная в 30-е годы модель тоталитарной государственности в полной мере отражала патерналистскую ментальную традицию, в соответствии с которой государство функционировало по закономерностям большой патриархальной семьи. Механизм функционирования государственной машины базировался на безоговорочном подчинении власти в лице главы государства. Вместо выражения «царь-батюшка», которое отражало патернализм монархического периода, в лексикон обывателя вошли другие эпитеты: «родная партия», «отец народов» и т.д.

С установлением в России тоталитарного режима право было окончательно дискредитировано, законность приобрела декларативный характер, правосудие превратилось в трагическую карикатуру. Конституционный фасад противоречил реальным принципам функционирования властного механизма. На протяжении всей советской истории право по сути являлось антиправом, что обусловило формирование еще более деформированного правосознания населения. Рецидивы деформированного сознания прослеживаются и на современном этапе, представляя собой препятствие на пути формирования правового государства и гражданского общества.

Таким образом, генезис тоталитарного сознания происходил в условиях формирования тоталитарной государственности и явился следствием политико-правовых и социально-экономических мероприятий, нацеленных на ликвидацию демократизма эпохи нэпа. Однако представляется не вполне обоснованной попытка ряда исследователей рассмотреть правовой нигилизм как наследие сталинской эпохи и большевистской диктатуры. Анализ основных тенденций трансформации массового правосознания в России в первой трети XX в. позволяет заключить, что современный правовой нигилизм демонстрирует преемственность с типологическими чертами национального правосознания предшествовавших исторических эпох.

¹⁹ Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. С. 250.

²⁰ Там же. С. 252.